

УДК 94(47).084.3

Попов Виктор Владимирович,

аспирант кафедры № 002 (история) Московского авиационного института (национального исследовательского университета).

Popov Viktor Vladimirovich,

Postgraduate, Chair № 002 (History), Moscow Aviation Institute (National Research University)

**ФОРМИРОВАНИЕ «ЕДИНСТВЕННО
ВЕРНОЙ» ВЕРСИИ ПРИЧИН
КРОНШТАДТСКИХ СОБЫТИЙ 1921 г. В
СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
1920–1950-Х гг.**

В статье исследуется проблема формирования официальной советской версии причин Кронштадтских событий 1921 г. в отечественной историографии 1920–1950-х гг. Показана эволюция оценок кронштадтских событий в советской историографии двадцатых и тридцатых годов. Выделена решающая роль оценок Л.Д. Троцкого, В.И. Ленина и И.В. Сталина в окончательном оформлении советской историографической традиции трактовки Кронштадтского мятежа, которая затем существовала без значимых изменений на протяжении всей советской истории.

Ключевые слова: Кронштадтский мятеж, историография, Краткий курс истории ВКП(б), история КПСС, антисоветское выступление, советская власть.

**FORMING “THE ONLY CORRECT STORY” ON
THE MOTIVES INVOLVING THE EVENTS IN
KRONSTADT IN 1921 IN SOVIET HISTORICAL
STUDIES OF THE 1920-IES TO 1950-IES.**

The paper explores an issue of forming an officially adopted Soviet version on motives involving events in Kronstadt in 1921 upon Russian historical studies of the 1920-ies to 1950-ies. The study demonstrated how assessments of Kronstadt events evolved in Soviet historical studies of 1920-ies and 1930-ies. The paper has focused on the crucial impact of assessments made by Trotsky L.D., Lenin V.I. and Stalin I.V. on finalization of Soviet historical study tradition in interpreting the Kronstadt rebellion which further persisted without substantial changes throughout the Soviet period.

Key words: Kronstadt rebellion, historical studies, Short course of the Bolshevik party' history, the history of the Communist party, anti-Soviet rebellion, the Soviet government.

Автором первой официальной советской версии причин Кронштадтского мятежа и его контрреволюционной сущности стал наркомвоенмор республики Л.Д. Троцкий. Именно за его подписью от имени Совета Труда и Оборона 3 марта 1921 г. было опубликовано в «Правде» первое официальное сообщение советского правительства о начавшемся мятеже в Кронштадте и постановление СТО о введении осадного положения в городе Петрограде и Петроградской губернии от 2 марта [1]. В нем утверждалось, что сообщения в иностранной прессе о «восстании моряков против Советской власти» на деле означает очередной «белогвардейский заговор» и «мятеж бывшего генерала Козловского». И именно Троцкий выступил по горячим следам событий с интервью иностранной прессе. Это интервью Троцкого было опубликовано накануне второго штурма Кронштадта, 16 марта 1921 г., в газете «Правда» под названием «О событиях в Кронштадте» (Интервью с представителями иностранной печати) [2]. Хотя в заголовке интервью произошедшее на острове Котлин характеризуется вполне нейтрально, как «события», но далее в тексте Троцкого мы видим уже и «теорию заговора» мирового империализма с внутренними оппортунистами (меньшевиками и эсерами), и здесь же прозвучала формулировка «мятеж».

Здесь мы не ставим вопрос о степени адекватности этих формулировок Троцкого и их соответствии реальному положению в Кронштадте накануне мятежа. Подробному рассмотрению первоначальных версий событий в Кронштадте, выдвинутых как самими восставшими, так и официальными советскими властями уже в марте 1921 г., нами посвящена отдельная статья [3], а вопросы социального состава и мотивов мятежных кронштадтцев были исследованы ранее в других публикациях, к которым можно отослать заинтересованного читателя [4; 5; 6]. Ниже мы рассмотрим историю возникновения и эволюции той версии причин кронштадтских событий, которая стала «единственно верной» для всей советской историографической традиции.

Первоначальную версию Л.Д. Троцкого можно увидеть в его интервью «О событиях в Кронштадте», которое вышло накануне второго штурма, 16 марта, в газете «Правда». Главная особенность позиции Троцкого в то время – это абсолютизация роли эсеров и меньшевиков как авангарда мирового империализма: «Историческое назначение эсеров и меньшевиков состоит в том, чтобы попытаться посадить в седло русскую контрреволюцию, в качестве агента мирового империализма». «Кронштадт был выбран, как пункт наиболее близкий к Европе и Петрограду». Понимая необходимость объяснить, как балтийские моряки, приведшие Советы к власти в 1917 году, сегодня, в 1921 году, стали врагами большевиков, Троцкий говорит, что Кронштадт «неиз-

бежно оскудел и в смысле личного состава. Огромное число революционных моряков, сыгравших крупную роль в Октябрьской революции 1917 года, было переведено за истекший период в другие области работы. Выбывшие были заменены в значительной мере случайными элементами, среди которых было довольно много латышских, эстонских и финских моряков, относящихся к своей службе как к временному занятию и в большинстве безучастных к революционной борьбе. Это обстоятельство, разумеется, облегчило организаторам заговора их работу. Они использовали частный конфликт, раздвинули его рамки так, что для части моряков уже не было отступления. При пассивности гарнизона и населения, которые не успели даже разобратся в том, что происходит, мятежники завладели могущественной артиллерией крепости и двух кораблей» [7].

Таким образом, здесь мы можем видеть очевидное превалирование политических причин мятежа. Именно с этого момента конфликт рассматривался советской стороной как преимущественно (или даже исключительно) политический. Это обстоятельство наложило неизгладимый отпечаток на всю последующую советскую и даже постсоветскую отечественную историографию. Несмотря на последующее осуждение троцкизма, изгнание и шельмование самого Троцкого, именно его первоначальная линия в оценке Кронштадтского мятежа будет доминировать на протяжении всей последующей истории СССР.

Следует отметить, что до сегодняшнего дня была написана только одна специальная работа, посвященная историографии Кронштадтского мятежа. Это статья известного советского историка М.А. Лурье «Кронштадтский мятеж 1921 года в советской и белой литературе» [8, с. 225-240]. К сожалению, написанная в атмосфере политических процессов конца 1920-х – начала 1930-х гг., статья больше нацелена на доказательство связи мятежников с зарубежными спецслужбами, чем на объективный анализ. Много внимания Лурье уделяет критике ошибочных, на его взгляд, мнений о классовой борьбе в деревне в 1921 г. Однако нужно сказать, что он верно классифицировал существовавшую тогда литературу: 1) брошюры и статьи научно-исследовательского характера; 2) воспоминания участников подавления мятежа; 3) публицистическую литературу с элементами воспоминаний; 4) учебную литературу; 5) газеты периода мятежа. К недостаткам такой классификации следует отнести то, что воспоминания оставили и сами мятежники, а не только участники подавления мятежа.

Необходимо особо отметить и другую статью Лурье [9, с. 167-175], посвященную высказываниям Ленина о кронштадтских событиях. Опираясь на весьма небольшое количество высказываний Ленина, Лурье, как и любой человек, прочитавший эти выступления Ленина, которые используются и в нашей работе, приходит к выводу, что Ленин считал Кронштадтское выступление проявлением «мелкобуржуазной стихии в условиях экономического кризиса», то есть является проявлением недовольства крестьянства продразверсткой [9, с. 172]. Такой вывод Лурье, основанный на работах Ленина, безусловно, верен [см. также: 10, с. 1516-1532; 11; 12]. Но надо иметь в виду, что исследуются публичные высказывания политического деятеля. И то, что они совпадают с официальной точкой зрения, еще не даёт нам права не сомневаться в их абсолютной истинности.

В течение 1920–1940-х гг. отечественная историография практически утратила проблемность и дискуссионность. Политические дискуссии переместились в область экономики, а потом и вообще исчезли из средств массовой информации и даже из научной литературы. Многочисленные публикации о Гражданской войне и, в частности, о событиях в Кронштадте в 1921 году, вызваны, скорее, не желанием ответить на какие-то исторические вопросы и разобраться в сути произошедших событий, а необходимостью героизировать Красную армию, Коммунистическую партию, отдельных участников событий, получить определенный воспитательный эффект. Образно говоря, молодая советская историография создавала «лакированный иконостас героев революции», где не было места каким-либо сомнениям и разночтениям [11, с. 176]. Как следствие этих подходов, и содержание изданий получило определенную направленность. Это, в основном, воспоминания участников подавления кронштадтского мятежа. В качестве примера можно назвать таких авторов, как Урицкий, Ворошилов, Кузнецов, Рафаил и др. [см. напр.: 13 и мн. др.]. В этих изданиях лишь вскользь затрагивались причины мятежа, и уж конечно, в них нет и намека на попытку пересмотра официальной версии, наоборот, версия о внешней природе мятежа полностью подтверждалась, обязательными являлись ссылки на В.И. Ленина. Повторим, что у авторов в это время стояли иные задачи [см. также 14]. Поэтому нам достаточно лишь упомянуть об этих публикациях, появившихся вплоть до 1960-х гг.

Нужно особо отметить, однако, некоторые работы 1920–1930-х г. Первой немемуарной работой, посвященной Кронштадтскому мятежу, стала одноименная брошюра А. Слепкова [15], выпущенная к очередной годовщине этого события. Работа скорее публицистическая, нежели научная. Однако уже здесь проработаны некоторые обобщения. Автор склонен считать главной причиной мятежа «мелкобуржуазный уклон» пополнения 1920 г. За оценку поведения крестьянства в 1921 г. как враждебного советской власти Слепков получил в статье Лурье 1931 г. обвинение в правом оппортунизме [8, с. 234]. Надо отметить, что Слепков в подтверждении тезиса о крестьянской («мелкобуржуазной») природе мятежа опирался на исследование В.П. Авоухова [16]. Автор этой статьи, вышедшей в 1922 г., стремясь доказать, что в Кронштадте выступили не «старые» матросы, а новички из деревни, осознанно делает акцент на общей ситуации на флоте и в гарнизоне. Авоухов рассматривает призыв во флот в течение сентября–ноября 1921 г. большого количества выходцев из южных сельскохозяйственных районов. Это в целом верное утверждение, которое подтверждают и наши новейшие исследования [4; 5; 6]. В частности отметим, что среди новопризванных было немало крестьян и казаков с Украины и Юга России, которые только недавно «близко познакомились» с большевистской аграрной политикой и практикой рассказывания [10; 17, с. 191-204; 18, с. 153-162]. В их числе были и те, кто ранее служил в белой армии [3; 4]. Однако Авоухов, а вслед за ним и другие советские авторы, обходит стороной особенность ситуации на главных мятежных кораблях – линкорах «Петропавловск» и «Севастополь» [16, с. 16]. Это принципиальная ошибка – ведь на этих кораблях несли службу матросы, призванные еще до революции 1917 года.

Данными Авоухова пользуется и другой исследователь проблем Кронштадтского мятежа, главный специалист в этой области того времени – А.С. Пухов. Из-под пера этого историка вышла одна книга [19] и несколько статей, посвященных Кронштадтскому выступлению [20; 21]. В своих работах Пухов объединяет все уже известные нам по советской литературе взгляды на причины кронштадтских событий. Главная работа Пухова, посвященная генезису мятежа, – статья «Кронштадт и балтийский флот перед мятежом 1921 года», опубликованная в 1930 г. в сборнике «Красная летопись». Здесь даны следующие причины мятежа. Во-первых, отсутствие «пополнения флота классово-выдержанным элементом» [20, с. 154]. Во-вторых, в силу разгоравшихся в 1930-м г. политических процессов, Пухов сделал сильный акцент на связь лидеров мятежа с «золотопогонниками», а через них и с зарубежными спецслужбами. При этом он отмечает, что эти связи исключительно сильно вуалировались, чтобы не отпугнуть основную массу матросов. Здесь Пухов выходит на путь домыслов, так как ни ему, ни другим историкам так и не удалось выявить связь лидеров Кронштадтского ВРК и кого-либо из кронштадтцев с иностранцами до бегства в Финляндию.

Отличительная черта работ Пухова – широкое привлечение архивных источников. Здесь даются цитаты из официальных документов, есть ссылки на показания подследственных по делу о мятеже. Но если первые оформлены положенным образом, то на материалы следствия ссылок нет. При этом Пухов часто опирается на этот источник, проверить который из-за отсутствия ссылок невозможно, и притом очевидно, что и сами эти источники, да и их использование страдают явной тенденциозностью. Являясь на тот момент самым осведомленным историком мятежа, Пухов допускает явные (а возможно и преднамеренные) ошибки. Так, например, он указывает, что С.М. Петриченко – руководитель Кронштадтского ВРК – попал во флот только в 1918 г., что не соответствует действительности (на самом деле это был старослужащий матрос, который был призван на флот еще в 1913 г.). Такая «ошибка» помогает Пухову отнести Петриченко к тем деклассированным элементам, которые попадали во флот в 1918 г. и которые, согласно официальной версии, были инициаторами мятежа в 1921 г. Кроме того, Пухов, стремясь очернить Петриченко, указывает, что тот на несколько месяцев дезертировал с флота. При этом автор использует явно сомнительный источник. Он осознанно обходит тот факт, что Петриченко, по крайней мере, до конца 1920 г. состоял в партии большевиков. Пухова интересует только то, что Петриченко когда-то был эсером. Это хорошо вписывается в теорию о заговоре с целью интервенции [20, 154-156]. Приходится только сожалеть, что Пухов, обладая возможностью на основе проверенных фактов отстоять свои позиции, скатился до подтасовок (повторимся, он был единственным в мире специалистом, имевшим на тот момент доступ к секретным материалам).

Следует особо отметить интересные данные, приведенные в исследовании Пухова. Во-первых: «Некоторые корабли, в том числе и «Севастополь» и «Петропавловск» получали бое-

вой паёк». К сожалению, автор не даёт данных о периоде действия таких пайков для матросов линкоров [20, с. 150]. Во-вторых, Пухов описывает январские нормы выдачи продовольствия: «Приказом по крепости (№18 от 24 января 1921 г.) на февраль 1921 г. была объявлена норма выдачи продовольствия. Согласно этой норме полагалось в месяц: хлеб – основной паёк 45 фунтов и боевой 60 фунтов, мяса – 6 и 7½ фунтов, сахару – 2½ фунта и т.д.» [20, с. 155]. Но, обращая внимание на хорошее питание матросов (что вообще противоречит дальнейшим построениям), автор всё-таки отмечает неудовлетворительное положение с обмундированием и условиями проживания [20, с. 154]. В связи с материальным положением разных групп населения Пухов подходит к важному вопросу о так называемой «дискуссии о верхах и низах».

После Пухова к теме «о верхах и низах» обратился только К.И. Жаковщиков в своей статье «Военно-политические уроки Кронштадтского мятежа» [22], вышедшей в 1931 г. В этой статье, в общем, целиком и полностью повторяющей выводы А.С. Пухова, Жаковщиков делает ещё больший акцент на подрывной деятельности меньшевиков и эсеров. Через 10 лет этот же автор выпустил небольшую брошюру с идентичными выводами [23]. Но если Жаковщиков лишь отметил наличие подобной проблемы «верхов и низов», то Пухов считал необходимым подробно остановиться на этом вопросе. По его словам, «на VIII съезд советов уехало исключительно руководство Побалта». Более того, «на выборах в петроградской базе довольно значительная часть моряков демонстративно ушла с выборного собрания, протестуя открыто против посылки на съезд комфлота, политотдела и других из «верхов», причем эта демонстрация носила определённую политическую окраску и выражала настроения известной прослойки моряков» [19, с. 48]. Последнее замечание относится не к Кронштадту, но к очень близкой к нему Петроградской базе флота. В статье «Кронштадт и балтийский флот перед мятежом» Пухов также приводит сообщение комиссара линейного корабля «Гангут» в период Кронштадтского мятежа: «В то время, когда флот голодал, когда флот в буквальном смысле жил на капустных листьях, в это время штаб флота, который прибыл с востока (Ф.Ф. Раскольников на БалтФлот прибыл с Волжской флотилии. – В.П.), питался прекрасно, готовил обед из трёх блюд и делал это совершенно открыто на глазах флотских масс, как бы рекламируя полное благосостояние. Это создавало известную базу недовольства ... и те, кто был во флоте, помнят, что одно название «штаб» вызывало злобу не только у низов, но даже у партийных организаций». Там же Пухов цитирует высказывание одного моряка: «Большевики заморили массу народа голодом. Во всех государствах дают солдатам масло (указывалось на Эстонию), но у нас и этого нет» [20, с. 167].

Закрывая вопрос о «низах» и «верхах», Пухов, однако, противореча себе, пишет, что «верхи» Кронштадта – «ответственные партийные, советские и профессиональные работники пользовались некоторыми привилегиями – получали особые пайки, жили в несколько лучших условиях, чем некоторые партийцы, и т.д. Но сказать, что они как-то особо выделялись из общей массы – нельзя. Материальное неравенство чувствовалось, но не сильно» [20, с. 203]. Хочется обратить внимание на то, что Пухов осознанно, ведя рассказ о дискуссии о «верхах» и «низах», сводит тему к исключительно внутрипартийным делам, что нам представляется не совсем верным. Надо особо отметить, что именно Пухов впервые выделяет конфликт в партийных организациях БалтФлота как важнейшую причину мятежа. Эта установка хорошо вписывается в контекст политических процессов по делам внутрипартийной оппозиции – на рубеже тридцатых годов становится очень важно доказывать опасность фракционной борьбы в партии.

Таким образом, основные выводы книги А.С. Пухова заключаются в том, что разрухой, плохим снабжением, конфликтом в партийных организациях воспользовались эсеры и меньшевики, проникшие во флот в большом количестве в 1918–1920 гг. [19, с. 38-54]. Как особенность работ Пухова можно отметить также полное отсутствие внутренней критики такого важнейшего источника, как «Резолюция собрания команд 1-й и 2-й бригад кораблей от 1 марта 1921 г.». Хотя документ и приводится Пуховым полностью, он просто назван контрреволюционным без какого-либо дальнейшего анализа и доказательств [19, с. 59].

Окончательно «единственно верный» официальный взгляд на причины мятежа на Балтийском флоте в 1921 г. был изложен в 1938 г. в главной книге по новейшей отечественной истории тридцатых годов – «Кратком курсе истории ВКП(б)» [24], который был лично отредактирован И.В. Сталиным. По версии авторов (можно предполагать, что они опирались на работы Пухова), лозунг «За Советы, но без коммунистов» придумали меньшевики, эсеры, анархисты и белогвардейцы, связанные с представителями иностранных государств. Конечно, сохраняется идея о «просачивании» в Кронштадт белогвардейцев и эсеров-меньшевиков, которому способ-

ствовало ослабление парторганизации флота многочисленными мобилизациями. Появляется и новая версия. Уже знакомая нам идея об изменении социального состава матросов на кораблях Балтийского флота переродилась в идею о преобладании в Кронштадте «сырой крестьянской массы», а, следовательно, и о крестьянской природе мятежа, выводя его на один уровень с антоновщиной и махновщиной. Но, при всём недовольстве крестьян продразверсткой, сами они, конечно, без организующей и направляющей силы меньшевиков и белогвардейцев выступить никак не могли бы [24, с. 238-239]. Такое представление о несамостоятельности широких масс вообще очень свойственно советской историографии того времени, равно как и стремление везде и всюду для объяснения причин использовать тезисы о «кознях империалистов» и «вредительстве внутренней контрреволюции». Авторы «Краткого курса» вслед за А.С. Пуховым приписали мятежникам лозунг «За Советы, но без коммунистов». Эта оценка Кронштадтского мятежа, по существу, стала нормативной как в истории КПСС, так и во всей последующей советской историографии.

Таким образом, в конце 1930-х гг., с легкой руки самого И.В. Сталина окончательно сложилась «каноническая» официальная советская версия основных причин Кронштадтского мятежа. В последующие годы эта версия стала единственно возможной для всей отечественной историографии. Какие-либо дальнейшие исторические, а тем более политические дискуссии о проблеме причин Кронштадтского мятежа и его альтернативной оценке были заведомо вычеркнуты из научной и общественной жизни СССР вплоть до конца 1980-х гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Мятеж бывш. генерала Козловского и корабля «Петропавловск». (Правительственное сообщение) // Правда. 3 марта 1921.
2. Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. – М.–Л.: Гос. Изд-во, 1926.
3. Попов В.В. Первоначальные версии причин Кронштадтского мятежа в изложении самих восставших матросов и официальных советских властей во время разворачивавшихся событий 1921 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5.
4. Юрченко И.Ю., Попов В.В. «Дело снабжения продовольствием неудовлетворительное». Матросы, казаки, крестьяне-красноармейцы и городские маргиналы: голодные участники Кронштадтского мятежа 1921 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29). Часть 1.
5. Юрченко И.Ю., Попов В.В. Социальный состав и мотивы участников «Кронштадтского мятежа» 1921 г. и судьба кубанских казаков из числа восставших // Кубанские исторические чтения: Материалы III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (Краснодар, 20 июня 2012 г.). – Краснодар: Изд-во Краснодарского ЦНТИ, 2012.
6. Юрченко И.Ю., Попов В.В. Дискуссионные вопросы на занятиях по истории в вузе: аграрный кризис продразверстки и голод как основной мотив антибольшевистского выступления в Кронштадте 1921 г. и судьба казаков – участников мятежа // Вестник учебно-методического объединения по образованию в области природообустройства и водопользования: журнал. – М.: ФГОУ ВПО МГУП. 2012. №4.
7. Троцкий Л.Д. О событиях в Кронштадте. (Интервью с представителями иностранной печати) // Правда. 16 марта 1921.
8. Лурье М.А. Кронштадтский мятеж в советской и белой литературе // Красная летопись. 1931. № 2.
9. Лурье М.А. Оценка кронштадтского мятежа в произведениях В. И. Ленина // Красная летопись. 1931. № 3.
10. Юрченко И.Ю. «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» В.И. Ленина как методологическая основа политики расказачивания и ее трактовки в советской историографии // В мире научных открытий. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 11.5(23).
11. Юрченко И.Ю. Изучение казачества в советской историографии // 90 лет СССР. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2012.
12. Юрченко И.Ю. История изучения казачества в отечественной и эмигрантской историографии XV–XX столетий: Историография казачества. Кн. 1 [монография]. – М.: МГУП, 2013.
13. Урицкий С. Красный Кронштадт во власти врагов революции (1–17 марта 1921 г.) // Гражданская война. 1918–1921. Т. 1. М.: Военный вестник, 1928; Ворошилов К.Е. Из истории подавления кронштадтского мятежа // Военно-исторический журнал, 1961. № 3; Кузнецов В. Из воспоминаний политработника. – М.–Л.: Госиздат, 1930; Кузьмин М. Кронштадтский мятеж. Популярный очерк. – Л.: ОГИЗ, 1931; Рафаил М. Кронштадтский мятеж (из дневника политработника). – Харьков: УкрГИЗ, 1921; Рабинович С.Е. Делегаты 10-го съезда РКП(б) под Кронштадтом // Красная летопись. 1931. №2(41).
14. Юрченко И.Ю. Российское казачество в отечественной военной мемуаристике XX–XXI вв. // European Social Science Journal. 2012. № 11 (27), том 1.
15. Слепков А. Кронштадтский мятеж. (К седьмой годовщине). – М.–Л.: Московский рабочий, 1928.

16. Авоухов В.П. Комплектование Красного флота личным составом в 1918, 1919, и 1920 гг. и его оздоровление // Красный флот. 1922. №9.
17. Юрченко И.Ю. Северокавказское казачество в рядах Красной Армии в годы Гражданской войны (некоторые историографические аспекты) // Военная интервенция и Гражданская война в России (1918–1920 годы): Мат-лы науч.-практ. конф. РУСО. –М., 2009.
18. Юрченко И.Ю. Северокавказское казачество в этноконфессиональных конфликтах региона XVIII–XX веков. – М.: Изд-во МАИ-ПРИНТ, 2009.
19. Пухов А.С. Кронштадтский мятеж в 1921 году. –М., 1931.
20. Пухов А.С. Кронштадт и балтийский флот перед мятежом 1921 г. // Красная летопись. 1930. № 6.
21. Пухов А.С. Кронштадт во власти врагов революции // Красная летопись. 1931. № 1.
22. Жаковщиков К. Военно-политические уроки Кронштадтского мятежа // Война и революция. 1931. № 5.
23. Жаковщиков К.И. Разгром кронштадтского контрреволюционного мятежа в 1921 г. – Л.: Лениздат, 1941.
24. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). – М.: Госполитиздат, 1938.